Внутреннее право иностранных государств как источник международного частного права

ЕГОРОВ Алексей Владимирович, ректор Витебского государственного университета
им. П. М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент
210038, Республика Беларусь, г. Витебск, Московский просп., 33
E-mail: egorof@yandex.ru

Применение норм иностранного права является актуальной проблемой современного правоприменения. Традиционно оценка иностранного права осуществляется в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации. Коллизионные положения Кодекса не дают ответа на вопрос о характере иностранных правовых норм, подлежащих применению. Одной из важнейших проблем является оценка состава и конкретного содержания внутреннего права (для субъектов правоприменения — «иностранного права») других государств, применяемого судом.

Характер данного источника международного частного права неоднороден. Отличие в содержании и специфике источников зависит от традиций правовой семьи, в которую входит та или иная национальная правовая система. В статье проведен анализ традиционных составляющих внутреннего права иностранных государств — нормативного правового акта, юридического прецедента и правового обычая. Даны практические рекомендации по закреплению обязанности применять иностранное право с позиций традиций той или иной правовой системы.

Большое внимание в статье уделяется практическому разграничению понятий «юридический прецедент», «правило прецедента» и «судебная практика». Юридический прецедент рассматривается не в качестве судебного решения, а как принцип разрешения спора по существу, содержащегося в нескольких судебных или административных решениях. Отдельно анализируется правовая доктрина как с точки зрения ее самостоятельного статуса источника иностранного права, так и с позиций вспомогательного средства при регулировании отношений, осложненных иностранным элементом.

Анализируются особенности нетрадиционных для определенной правовой семьи источников права, которые оцениваются национальным правоприменителем в качестве форм иностранного права, подлежащих применению.

Ключевые слова: иностранное право, внутреннее законодательство, источник права, иностранный элемент, международное частное право, юридический прецедент, правило прецедента, судебная практика, правовой обычай, правовая доктрина.

The Internal Law of Foreign States as a Source of Private International Law

A. V. EGOROV, rector of the Masherov Vitebsk State University, candidate of legal sciences, associate professor
33, Moskovsky ave., Vitebsk, Republic of Belarus, 210038
E-mail: egorof@yandex.ru

The application of the norms of foreign law is an actual problem of modern law enforcement. Traditionally, the evaluation of foreign law is carried out in accordance with the provisions of the Civil Code of the Russian Federation. The conflict provisions of the code do not give an answer to the question of the nature of the foreign legal norms that must be applied to the national law enforcer. One of the most important problems is the evaluation of the structure and specific content of the domestic law (for subjects of enforcement — “foreign law”) of others states applied by the court.

The nature of this source of private international law is heterogeneous. The difference in the content and specificity of the sources depends on the traditions of the legal family into which one or another national legal system enters. The article analyzes the traditional components of domestic law of foreign states - a normative legal act, a legal precedent and a legal custom. Practical recommendations are given on the enforcement of the obligation to apply foreign law from the standpoint of the traditions of a particular legal system.

Much attention is paid in the article to the practical distinction between the concepts "legal precedent", "precedent rule" and "judicial practice". A legal precedent is considered not as a judicial decision, but as a principle for resolving a substantive dispute contained in several judicial or administrative decisions. The legal doctrine is analyzed separately, both from the point of view of its independent status as a source of foreign law, and from the standpoint of an auxiliary tool in regulating relations complicated by a foreign element.

Much attention is paid to the analysis of the peculiarities of sources of law that are unconventional for a certain legal family, which are estimated by the national law enforcer as forms of foreign law to be applied.

Keywords: foreign law, domestic law, source of law, foreign element, international private law, legal precedent, precedent rule, judicial practice, legal custom, legal doctrine.

DOI: 10.12737/art_2018_6_10

Категория «внутреннее право» («внутригосударственное право») широко используется в практике регулирования общественных отношений, осложненных иностранным элементом. Традиционно к таким отношениям относят международные (трансграничные) частноправовые отношения с участием иностранных субъектов, а также объектов, находящихся за пределами национальной юрисдикции или юридических фактов, возникших за рубежом и послуживших основанием к возникновению соответствующих правоотношений¹. Для регулирования такого рода отношений недостаточно использовать лишь национальные регуляторы. Не всегда хватает и нормативного потенциала международных договоров. В большинстве случаев правоприменителю приходится обращаться к нормам иностранного права, которое часто является для него *terra incognita* и в нормативном, и в доктринальном плане. Вместе с тем национальный коллизионный закон обязывает суд устанавливать содержание иностранного права в соответствии с официальным толкованием его норм, практикой приме-

нения и доктриной толкования права, которые сложились и традиционно используются в соответствующем иностранном государстве (п. 1 ст. 1191 ГК РФ). В связи с этим большое значение имеет правильное понимание содержания иностранного права, которое в международном частном праве рассматривается как внутреннее право зарубежных правовых систем.

Понимание термина «законодательство» различается в правовых системах континентального и англосаксонского типов. Немецкий и французский судьи рассматривают состав своего законодательства с позиций верховенства закона в системе иерархии источников кодифицированного права. В понимании континентального правоприменителя состав внутреннего законодательства действительно соответствует пониманию системы норм законодательного характера, источником которых является парламент или иной нормотворческий орган. Напротив, англосаксонский правоприменитель в понятие и состав законодательства вкладывает совершенно иной смысл, оперируя судебной природой появления всех регулятивных правил. В понимании английского юриста именно продукт судейского нормотворчества выступает как основной

¹ См.: Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М., 2000. С. 12—13.

элемент внутреннего законодательства его страны. В связи с этим возникает резонный вопрос о правомерности доктринального использования термина «законодательство» в его идентичном понимании всеми правовыми системами.

С практической точки зрения более целесообразным будет дифференцировать доктринальные подходы к оценке источников зарубежного права и выстраивать формальную шкалу источников правового регулирования, ориентируясь на традиционные для современных правовых систем источники права, а именно на нормативный правовой акт, юридический прецедент и правовой обычай.

Закон, а в более широком его понимании — нормативный правовой акт является основной формой романо-германского права. При заключении внешнеэкономических контрактов контрагенты противоположных правовых систем используют формулировки заключительных положений договоров относительно применимого права, применяя данные доктринальные положения. Так, субъекты французского и российского права ориентируются в принципе на однотипные подходы в понимании состава внутреннего законодательства своих стран. Это касается представителей одной правовой семьи и, соответственно, одних традиций в понимании законодательства как формы права. Но уже контрагенты, относящиеся к континентальной и англосаксонской юрисдикциям, должны учитывать разницу в понимании и толковании традиционных источников права. Таковыми в континентальных системах остаются нормативные правовые акты (законы), а в англосаксонских правовых системах основным источником внутреннего права выступает юридический прецедент судебного или административного характера. В такой ситуации тактически грамотно будет использовать заключительные формулировки контрактов со ссылкой на применение

не иностранного права контрагента, а международных договоров, регулирующих требуемый вид отношений сторон договора.

Сложнее обстоит дело с оценкой внутреннего права традиционных обществ, к числу которых относятся правовые системы индусского, мусульманского, дальневосточного права и др. В этих обществах функционируют две параллельные системы внутреннего права — традиционная для данных обществ нормативная система и светская, как правило, европеизированная система, представленная характерными источниками и нормами права европейского региона. Причем в каждом конкретном случае европейская ориентация традиционных правовых систем разнится в зависимости от доминирования континентального или англосаксонского права. Практический подход к оценке внутреннего законодательства этих обществ остается неизменным: заключение контрактов и формулирование заключительных положений о применимом праве должны использовать оговорки о применимых нормах международных договоров, а не о нормах национального права контрагентов.

Особенности национального законодательства, подлежащего применению к международным частноправовым отношениям, также касаются процедуры переговоров при составлении внешнеэкономических контрактов. Речь идет о ментальности поведения контрагентов по сделке во время заключения и исполнения контрактов. В большинстве случаев это обстоятельство не носит правового характера и касается вопросов не права, а правовой психологии. Вместе с тем внутреннее законодательство ряда стран нормативно упоминает о так называемых правилах поведения при заключении контрактов и других договоров. Так, ст. 6 Гражданского кодекса Франции закрепляет принцип добросовестности при заключении до-

говоров. Подобные формулировки широко распространены и в системе традиционного законодательства религиозных обществ.

Понимание нормативного правового акта как источника национального права разнится даже в правовых системах одной семейной принадлежности. Так, во Франции Конституция этой страны предоставляет широкие законотворческие полномочия не только парламенту, но и Совету министров, а также Государственному совету. В итоге понятие нормативного правового акта, как и его содержание, имеют самое широкое нормативное наполнение. Испания конституционно закрепляет систему разных по своей юридической силе нормативных правовых актов — от так называемых органических законов, закрепляющих основные права и свободы, до базовых законов, передающих часть законодательных компетенций правительству². В Италии «специальные законы» дополняют традиционные кодексы, что, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует об определенных тенденциях декодификации в этой стране³.

В итоге специалисту-международнику очень непросто ориентироваться в структуре и нормативном содержании внутреннего законодательства даже в рамках одной правовой семьи. По этой причине ослабевает регулятивная роль иностранного права как возможного средства разрешения международных частноправовых споров. Все чаще субъекты хозяйствования прибегают к помощи международных договоров, которые покрывают далеко не всю сферу этих отношений. Как известно, самым разработанным сегментом данной сферы являются торговые отношения, о чем говорит практика применения Конвенции ООН о дого-

ворах международной купли-продажи товаров 1980 г. (Венская конвенция)⁴. К сожалению, такой степенью договорного нормативного регулирования не располагает никакая другая отрасль международного частного права. Поэтому вопрос применения иностранного права имеет особую актуальность и в настоящее время. В связи с этим возникает потребность в доктринальной выработке общих подходов относительно понимания иностранного права с точки зрения его состава применительно к правовым системам разной семейной принадлежности.

Особое значение приобретает понятие юридического прецедента как основного источника права ряда систем англосаксонской правовой ориентации. Традиционно под юридическим прецедентом понимается вынесенное судебное или административное решение, которому должен следовать последующий субъект правоприменения при вынесении решения в будущем⁵. Некоторые авторы различают понятия «прецедент» и «правило прецедента»⁶. Другие исследователи также рассматривают в качестве самостоятельных неидентичных категорий «судебную практику» и «прецедент»⁷. В такой доктринальной неопределенности субъекту правоприменения довольно проблематично принимать соответствующие решения, связанные как с установлением содержания норм иностранного права, так и с непосредственным регулированием отношений, осложненных иностранным элементом.

⁴ Вступила в силу для Российской Федерации 1 сентября 1991 г.

⁵ См.: English Private Law / ed. by P. Birks. Vol. I. Oxford, 2000. P. 29.

⁶ См.: Fander M. The Law Making Process. L., 1980. P. 3—18; Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997. С. 256—258.

⁷ См.: Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник для юридических вузов. М., 2001. С. 396.

² См.: Конституции государств Европейского Союза. М., 1999. С. 389—390.

³ См.: Gertoma G. The Italian Legal System. L., 1985. P. 81.

Как представляется, с точки зрения правоприменительной доктрины необходимо различать все три понятия — «прецедент», «правило прецедента» и «судебная практика».

Интерпретация прецедента как судебного решения свойственна представителям континентального права. Именно они привыкли рассматривать систему действующего права с позиций формальной определенности источников права. По их мнению, судебное решение является самостоятельным источником права, содержащим нормативные правила, подобно закону или нормативному правовому акту в системе романо-германского права. Закон и прецедент, на взгляд носителей континентальных правовых традиций, имеют одинаковую нормативную природу, но с разным названием и различным источником формирования. По этой причине очень часто авторы рассматривают судебный прецедент в качестве источника континентального и, в частности, российского права⁸, тогда как в действительности речь идет о совершенно иной правовой материи в виде фрагментов юридической практики определенного национального вида. Для того чтобы юридический прецедент стал источником романо-германского и, в частности, российского, права, необходимо изменить систему традиционных правовых ценностей. То же относится и к традициям англосаксонского права, которое, несмотря на все кодификационные тенденции, не утратило своей прецедентной природы.

Все сомнения по поводу определения прецедента в качестве самостоятельного источника права исчезнут, если обратиться к анализу

его истинной регулятивной природы и признать за прецедентом не судебное решение, а принцип разрешения дела (спора) по существу. Причем содержание этого принципа часто содержится не в одном судебном решении. Поэтому прецедент можно определять путем анализа нормативных фрагментов, образующих однотипное правило поведения, содержащееся в нескольких судебных решениях. В результате может появляться и новое прецедентное правило. Правоприменитель не использует нормативные правила прошлого прецедента формально, строго придерживаясь «буквы» предыдущих судебных решений. Он анализирует принцип разрешения спора по существу. Например, судья, рассматривавший спор несколько десятилетий назад и взыскавший с ответчика долг в сотню долларов, не будет являться для современного судьи образцом поведения с точки зрения реализации материальных норм по удовлетворению иска. С изменением экономической ситуации претерпела изменение и категория «существенности долговой суммы», поскольку сегодня эта сумма выглядит ничтожно малой. Но современный судья при вынесении нового решения непременно обратится к той части судебного решения, которое носит название *obiter dictum* («попутно сказанное»), и будет использовать правила, в соответствии с которыми прежний судья выносил свое решение. В частности, речь может идти о критериях «существенности» долгового обязательства, о способах исследования доказательств, о характере самих источников доказательственной базы и т. д. В итоге может появиться новое прецедентное решение, которому уже будут следовать будущие правоприменители.

Конечно же, данное описание использования прецедента является схематичным и достаточно упрощенным. К тому же формирование прецедентной системы относится к

⁸ См.: Коростелкина О. Н. Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Немцева В. Б. Судебный прецедент — источник российского права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 2. С. 22—26.

компетенции не всех, а только высших звеньев судебной системы — Верховного суда США, Федерального суда Канады, Верховного суда Англии и Уэльса и т. д. Достаточно напомнить, что лишь небольшое число судебных решений становится прецедентными правилами. Например, прецедентами признаются всего 25% решений Апелляционного суда и только 10% вердиктов Высогого суда Англии⁹.

В отличие от понятия прецедента правило прецедента представляет собой институт не материального, а процессуального права, к которому, как известно, у юристов англосаксонской правовой семьи особое отношение. Правило прецедента — это процессуальная обязанность судьи следовать решениям предыдущих судей. Достаточно широко раскрывает суть данного процессуального правила Р. Давид. На примере английской правовой системы он излагает доктрину пределов действия правила прецедента, указывая на обязательность всех судов следовать решениям, вынесенным палатой лордов и Апелляционным судом¹⁰. Ни о каком материальном понятии прецедентного решения в правилах прецедента речи не идет.

Известный исследователь английского прецедента Р. Кросс, говоря о прецедентном праве, определяет его в качестве «норм и принципов, созданных и применяемых судьями в процессе вынесения ими решения», в то время как само английское право, по заключению ученого, «в широкой степени основано на *прецеденте*» (курсив мой. — А. Е.)¹¹.

Таким образом, необходимо различать два концептуальных понятия, не просто принадлежащих к разным системным звеньям англо-

саксонского права, но и образующим определенный алгоритм понимания роли прецедента и правила прецедента в международной частноправовой практике. Мы не используем правило прецедента, рассматривая гражданско-правовые споры в международных, в том числе третейских, судах. Это же касается и национальной практики деятельности судов, если речь, конечно, не идет об англосаксонских судах.

Источником права при рассмотрении международных частноправовых споров, близко стоящим к прецедентным традициям, является судебная практика. Традиционно исследователи не признают данную форму отражения частноправовых отношений самостоятельным источником права. Но речь идет об отрицании «качества формального источника права» за судебными решениями, а не за самой судебной практикой. Тем более что есть достаточно интересный опыт, когда судебная практика признается источником права в весьма своеобразной форме. Так, согласно Закону Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах» акты Конституционного суда, Верховного суда Республики Беларусь (постановления Пленума) относятся к разновидности нормативных правовых актов (ст. 2)¹².

Косвенно судебная практика используется при установлении содержания иностранного права. В частности, в соответствии со ст. 1191 ГК РФ зарубежные судебные источники применяются при установлении содержания иностранного права (п. 1). Но наиболее ярким подтверждением применения судебной практики в качестве самостоятельного источника права являются международные правовые документы, в частности регламенты и уставы международных третей-

⁹ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 259.

¹⁰ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 257.

¹¹ Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985. С. 25.

¹² См.: Василевич Г. А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Минск, 2006. С. 10.

ских и арбитражных судов. Первичным документом, на который ссылаются специалисты в подтверждение данного тезиса, признается Устав Международного суда ООН. Статья 38 Устава определяет судебную и арбитражную практику в качестве самостоятельного источника права, который используется при рассмотрении международных споров. Правда, данная статья содержит оговорку, что судебная практика применяется в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм. На практике достаточно сложно определить, где заканчивается сфера действия нормативных правовых актов и начинается юрисдикция правоприменительных документов. Сам процесс толкования в международных частноправовых отношениях включает в себя помимо практики применения еще и установление характера официального толкования норм, а также доктрины, сложившейся в соответствующем иностранном государстве (ст. 1191 ГК РФ).

О праве на использование судебной практики в качестве источника права судебными третейскими органами говорит и ряд нормативных документов национального характера. Так, Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. «О международном арбитражном (третейском) суде» определяет, что при рассмотрении спора состав международного арбитражного суда учитывает обычаи международного делового оборота и судебную практику (ч. 3 ст. 36). Законодательство Российской Федерации при указании состава источников регулирования международных частноправовых споров не указывает судебную практику в качестве самостоятельной формы разрешения данных споров, ограничиваясь из нетрадиционных источников лишь обычаями делового оборота (п. 3 ст. 6 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»).

Таким образом, судебная практика признается самостоятельным источником права не во всех странах. В достаточно оригинальной форме она может быть представлена в отдельных правовых системах. Терминологическое и содержательное определение данного явления требуется для того, чтобы разграничить понятия «судебный прецедент» и «судебная практика». Как мы установили, судебный прецедент образует самостоятельный компонент в структуре национального права англосаксонских стран. Использование прецедентных норм происходит на национальном уровне при применении норм иностранного права. В то же время судебная практика встречается в качестве компонента в системе источников национального права не всегда, и его применение зависит от национальной специфики иностранного права. Что касается судебной практики, вырабатываемой международными судебными инстанциями, то данное явление носит самостоятельный характер и не образует отдельную структурную единицу внутреннего права иностранных государств. Международная судебная практика — явление иного порядка, представляющее собой самостоятельный источник международного частного права.

Важным компонентом в системе внутреннего законодательства иностранных государств часто выступает правовая доктрина. Данная форма права не признается самостоятельным источником международного частного права, но она может входить в структуру внутреннего права иностранного государства, и тогда применение правовой доктрины обязательно для суда или иного юрисдикционного органа. С одной стороны, в силу ст. 1191 ГК РФ суд обязан устанавливать содержание иностранного права в соответствии с доктриной его применения, сложившейся в соответствующем иностранном государстве. С другой стороны, сама правовая доктрина, обра-

зую состав внутреннего права иностранного государства, является источником права, обязательным к применению иностранным судебным органом. Разрешение данной ситуации, на наш взгляд, может выглядеть следующим образом.

Суд изначально должен исходить из оценки и состава внутреннего права иностранного государства. Затем уже следует установление содержания иностранной нормы в соответствии с практикой и доктриной ее применения, как того и требует указанная ст. 1191 ГК РФ. Если доктрина официально признана источником иностранного права, как, например, в англосаксонских правовых системах, то оценка практики применения англосаксонской нормы будет происходить совершенно с других позиций, а именно с точки зрения функционирования нормативного правила в прецедентных условиях. И оценка доктрины применения прецедентной нормы будет осуществляться в сфере законотворческой деятельности, как бы это парадоксально ни выглядело в глазах континентального юриста. Нормы законов, применяемые судами, инкорпорируются в английское право лишь после того, как они будут апробированы судебной практикой, а сам закон согласно английской традиции «не считается нормальной формой выражения права»¹³.

Другое дело, если доктрина применения нормы права оценивается не как самостоятельный источник права, а как вспомогательное средство для толкования применяемой иностранным судом нормы права. В таком случае будут задействованы указания упомянутой нормы о необходимости пользоваться доктринальными положениями применения иностранного права, что предполагает некую неопределенность в оценке как самой доктрины, так и ее содержания. Например, в немецкой

правовой системе доктрине уделяется существенное внимание в оценке норм права и практики их применения. Достаточно вспомнить известный комментарий к Строительному кодексу, который вышел уже 25-м изданием и широко применяется на практике¹⁴.

Французское право менее связано доктринальными принципами и положениями относительно как толкования норм, так и практики их непосредственного применения. По мнению того же Р. Давида, французские юристы более охотно будут пользоваться учебниками и даже алфавитными справочниками, нежели станут изучать доктрину, представленную в выверенных комментированных текстах¹⁵.

Таким образом, представленные положения о доктрине будут различаться от страны к стране по принципиальным позициям, если речь идет о данной правовой форме не как об источнике права, а как о вспомогательном средстве разрешения спора. Конечно же, национальному юристу легче работать в условиях, когда доктрина толкуется более широко и применяется в тех формах, какие заметит юрист иностранной правовой системы. Ведь применение доктрины как источника иностранного права требует взвешенной оценки относительно как формы самой доктрины, так и ее непосредственного содержания, что потребует от правоприменителя и знания языка судопроизводства, и определенной теоретической подготовки юридического профиля. Может, поэтому на практике судьи часто рассматривают правовую доктрину не как элемент системы источников иностранного права, а лишь как незначительное техническое средство установления содержания иностранного права.

¹⁴ См.: Жалинский А. Э., Рерихт А. А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 70.

¹⁵ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 107.

¹³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 260.

Еще одним источником, входящим в структуру внутреннего права ряда стран, является правовой обычай. Сразу заметим, что речь идет не об обычаях международного характера, которые мы определяем в качестве самостоятельных источников международного частного права в форме обычаев торгового или делового оборота. Правовой обычай в системе национальных источников права имеет самостоятельное регулятивное значение и влияет на характер международных частноправовых отношений как одна из форм внутреннего законодательства иностранных государств. Как отмечают исследователи, обычное право сохраняет свои традиционные позиции в ряде регионов. Особенно часто упоминаются африканские правовые системы. Правоприменителю редко приходится иметь дело с традиционными кодексами религиозно-общинного характера, даже с такими авторитетными, как Мальгашские кодексы. Причина заключается в специфике практики заключения контрактов с контрагентами данных регионов. Стороны стараются делать ссылки на положения международных договоров частноправового характера, а не на иностранное право религиозно-общинных правовых систем. Если же такая ситуация с применимым иностранным правом и случается, то суд учитывает положения традиционных обычаев не в качестве самостоятельного источника права, а в виде практики применения подобных положений, сложившейся в той или иной стране.

Вместе с тем в ряде правовых систем правовой обычай выступает достаточно авторитетным источником права, от применения которого невозможно отказаться. Так, национальные нормы Швейцарии, Германии и Греции предусматривают необходимость применения обычая наравне с законом¹⁶. В то же время

законодательства Австрии и Италии относятся к роли правового обычая достаточно сдержанно, рассматривая его в качестве второстепенного источника права. Французские правоприменители вообще считают его устаревшим источником права¹⁷.

Определить какие-то единые подходы к пониманию регулятивной сути правового обычая довольно трудно. Пожалуй, единственным методологическим ориентиром в установлении состава внутреннего права с точки зрения места в нем правового обычая можно считать групповую классификацию правовых систем континентального типа. Системы права французской модели отрицают влияние обычая на современные, в том числе частноправовые, отношения. Напротив, правовые системы, развивающиеся в соответствии с немецкой правовой моделью, считают правовой обычай достаточно авторитетным и применяемым источником национального права. Национальный правоприменитель может ориентироваться на эти два полюса в правовом развитии семьи романо-германского права, как, кстати, и в других правовых вопросах, когда он имеет дело с представителями континентальных традиций.

Вопрос о понятии и особенно о составе внутреннего права как источника международного частного права мало изучен, но представляет большой практический интерес в сложившихся условиях интернационализации хозяйственной жизни. В рамках небольшого исследования трудно показать все грани обозначенной проблематики. На первом этапе необходимо понимать всю важность и неоднозначность подходов к оценке иностранного права. Национальный правопримени-

national de droit compare. 1962. Vol. 14. Numéro 4. P. 282—307; *Beguelin M.* Das Gewohnheitsrecht in der Praxis des Bundesgerichts. Bern, 1968.

¹⁶ См.: *Zepos P. J.* Quinze années d'application du Code civil hellénique // *Revue inter-*

¹⁷ См.: *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Указ. соч. С. 94.

тель скорее всего будет ориентироваться на нормативные правила, в том числе коллизионного плана, которые предложит ему законодатель. Поэтому роль нормотворческого органа в процессе совершенствования практики применения иностранного права чрезвычайно велика. Сто-

ит учитывать сложившуюся доктрину, а также практику применения внутреннего права иностранных государств не только в процессе правоприменения, но и на стадии принятия соответствующих национальных норм коллизионного и материального права.

Библиографический список

- Beguelin M. Das Gewohnheitsrecht in der Praxis des Bundesgerichts. Bern, 1968.
- English Private Law / ed. by P. Birks. Vol. I. Oxford, 2000.
- Fander M. The Law Making Process. L., 1980.
- Gertoma G. The Italian Legal System. L., 1985.
- Zepos P. J. Quinze années d'application du Code civil hellénique // *Revue internationale de droit compare*. 1962. Vol. 14. Numéro 4.
- Василевич Г. А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Минск, 2006.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997.
- Жалинский А. Э., Рерихт А. А. Введение в немецкое право. М., 2001.
- Конституции государств Европейского Союза. М., 1999.
- Коростелкина О. Н. Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
- Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985.
- Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник для юридических вузов. М., 2001.
- Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М., 2000.
- Немцева В. Б. Судебный прецедент — источник российского права // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2010. № 2.
-
-